

Sweet
RAIN

ДЖОН ЗАПРЕТНЫЙ

18+

Джон Запретный

Sweet Pain

«Автор»

2026

Запретный Д.

Sweet Pain / Д. Запретный — «Автор», 2026

Сладкая боль. Так бывает? Когда каждое прикосновение оставляет синяк, но ты ждёшь его снова. Когда он говорит «ты моя», и ты не хочешь быть ничьей другой. Когда любовь пахнет скипидаром, дорогим виски и чужой смертью. Это не история о том, как девушка спасает плохого парня. Это история о том, как девушка выбирает остаться. Даже когда есть шанс уйти. Даже когда цепочка на шее становится кандалами. Даже когда любовь это не про счастье, а про выживание. «Sweet Pain» это роман о запретной любви, власти и деньгах. О том, как секс может быть разговором, а молчание криком. О том, как трудно уйти, когда тебя держат не силой, а тем, что ты сама не хочешь уходить. Читайте, если готовы к тому, что после этой книги вам захочется проверить, заперта ли ваша дверь. И есть ли у вас ключ. При подготовке текста использовалась нейросеть DeepSeek.

© Запретный Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Стекло	5
Лак	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Джон Запретный

Sweet Pain

Стекло

Поезд пришёл в Москву в шесть утра. Кристина стояла в тамбуре с чемоданом на колёсиках, который тащила с самого Перми, и смотрела, как за окном проплывают серые бетонные заборы, ржавые гаражи, провода. Она не спала всю ночь. Плацкарт, боковая полка, мужик напротив храпел так, что дребезжала пластиковая перегородка. Она лежала с открытыми глазами и считала трещины на потолке вагона. Досчитала до сорока семи, потом сбилась, потом начала заново. Мать умерла девять дней назад. Кристина не плакала на похоронах. Не плакала, когда разбирала её вещи. Не плакала, когда нашла в шкафу коробку с детскими рисунками, своими, тринадцатилетними, где она нарисовала их дом и подписала печатными буквами: «Мы тут счастливы». Не плакала, когда продавала её кольцо, чтобы хватило на билет. А сейчас, в тамбуре, где пахло машинным маслом и чьим-то перегаром, она почувствовала, как что-то подступило к горлу, и сглотнула. Не сейчас. Не здесь.

Вокзал встретил её гулом, толпой, запахом кофе из автомата и мокрого асфальта. Кристина вышла на площадь, поставила чемодан, достала телефон. Три процента зарядки. Она не взяла зарядку. Она вообще ничего не взяла толком, только чемодан с инструментами и сумку с одеждой. Всё остальное осталось в квартире, которую надо было продавать, но она не могла даже думать об этом. Телефон мигнул и погас. Она стояла с чёрным экраном в руке и смотрела на людей, которые шли мимо, у каждого было куда идти. У неё тоже было. Адрес она помнила. Комната у женщины, которая держит кошку. Нашла по объявлению, ещё в Перми. Женщину звали Галина Петровна, и она написала в сообщении: «С кошкой ладить надо. Она у меня характерная».

Кристина взяла такси, потому что не разобралась с метро, потому что руки дрожали, потому что ей было плевать на деньги, которых почти не осталось. Таксист молчал всю дорогу, и она была ему благодарна. Смотрела в окно. Москва была не такой, как в кино. Не блестящей, не праздничной. Серой, плотной, занятой собой. Люди шли быстро, не глядя друг на друга. Дома давили. Кристина подумала, что здесь легко потеряться, и от этой мысли стало немного легче.

Дом на окраине, панельная девятиэтажка, облупленный подъезд, лифт не работает. Она поднялась на седьмой пешком, с чемоданом, который бил по ступенькам, с сумкой на плече, которая резала ключицу. Дверь открыла женщина лет шестидесяти, в халате, с сигаретой в руке. Из квартиры пахло жареной картошкой и валерьянкой.

Кристина? спросила она, оглядев её с ног до головы. Ну, проходи. Только обувь снимай, у меня ковры.

Кристина сняла кроссовки. Ковры были старые, вытертые, но чистые. В комнате, которую ей показали, стоял диван, шкаф, стол, телевизор на тумбочке. Телевизор работал. Шёл сериал про ментов, громко, с выстрелами. На подоконнике сидела кошка, серая, толстая, и смотрела на Кристину, не мигая.

Мурка, сказала Галина Петровна. Не трогай её первые дни. Она привыкнет.

Кристина кивнула. Поставила чемодан у шкафа. Села на диван. Пружины скрипнули. Галина Петровна стояла в дверях, курила в сторону коридора, смотрела на неё.

Ты худая, сказала она. Есть будешь?

Не хочу, ответила Кристина. Спасибо.

Ну, как хочешь. Кухня там. Чай, сахар, всё есть. Плата первого числа. Если что, я днём на работе, вечером дома. Телевизор не выключаю, привычка. Не мешает?

Не мешает.

Галина Петровна ушла. Кристина осталась одна. Сидела на диване, смотрела на экран, где мужчина в форме кричал на женщину в халате. Потом легла. Не раздеваясь. Закрыла глаза. Телевизор бормотал, кошка прыгнула на подоконник, за окном сигналили машины. Она не спала. Просто лежала и слушала. Думала о матери. О том, как та в последний месяц уже не вставала, как смотрела в потолок и просила открыть окно. Кристина открывала. В комнату входил холод, мать дышала глубже, потом засыпала. Кристина сидела рядом на стуле и держала её за руку. Рука была сухая, лёгкая, как бумага. Когда мать умерла, Кристина ещё держала её минут десять, пока не пришла медсестра и не сказала: «Всё, девушка. Отпускайте».

Она не помнила, как отпустила. Помнила только, что вышла на улицу и долго стояла у аптеки, не понимая, куда идти.

Теперь она лежала на чужом диване в чужом городе и слушала чужой телевизор. И думала, что надо встать. Надо найти работу. Надо жить дальше. Но тело не слушалось. Тело хотело лежать. Тело хотело, чтобы ничего не было.

Она встала через час. Умылась в ванной, где на полке лежало мыло с запахом земляники и стояла зубная щётка в стакане, чужая. Посмотрела на себя в зеркало. Лицо серое, глаза красные, волосы прилипли ко лбу. Она умылась холодной водой, вытерлась полотенцем, которое пахло стиральным порошком и чем-то ещё, чужим. Вернулась в комнату. Достала из чемодана ноутбук. Старый, с облезлой клавиатурой, но работал. Нашла в закладках сайт галереи. «Вернисаж». Она откликнулась на вакансию ещё неделю назад, из Перми. Реставратор мебели и предметов интерьера. Ей ответили. Просили прийти двадцатого. Сегодня было девятнадцатое. Завтра.

Она закрыла ноутбук. Легла. Телевизор бормотал. Мурка пришла и легла в ногах, тяжёлая, тёплая. Кристина не стала её прогонять. Закрыла глаза. И на этот раз уснула. Без снов.

Утром она проснулась от того, что Мурка мяукала над ухом. Галина Петровна уже ушла, на кухне остался чайник и записка на столе: «Молоко в холодильнике. Не забудь закрыть дверь». Кристина выпила чай. Съела кусок хлеба. Надела чистую рубашку, джинсы, кроссовки. Собрала волосы в хвост. Посмотрела на себя в зеркало в прихожей. Ничего. Обычная. Таких в метро тысячи. Она вышла из квартиры, закрыла дверь, проверила, дёрнула ручку. Пошла к метро. На этот раз разобралась. Две станции, переход, ещё три. Вышла на нужной. Улица, старые дома, вывески, кофейня. Галерея была в переулке, за чугунной оградой. Двухэтажное здание, бывший особняк, окна с лепниной, вывеска скромная, золотыми буквами.

Кристина толкнула дверь. Внутри пахло лаком, пылью и кофе. Высокие потолки, паркет, картины на стенах, скульптуры в углах. На неё никто не обратил внимания. Она постояла, потом подошла к стойке. За стойкой сидела девушка с наушниками, что-то печатала.

Я на собеседование, сказала Кристина. Реставратор. Мне писали.

Девушка подняла глаза. Ага. Сейчас. Она сняла наушники, куда-то позвонила, сказала в трубку несколько слов. Потом кивнула Кристине: Идите на второй этаж. Там мастерская. Спросите Андрея.

Кристина поднялась по лестнице. Перила были холодные, гладкие. На втором этаже было светлее, окна во всю стену, и стоял запах скипидара, который она знала с детства. Мастерская. Верстаки, инструменты, куски дерева, банки с лаком. В углу стоял шкаф, старинный, тёмный, с резьбой. Возле него стоял мужчина. Спиной. Высокий, в тёмном пиджаке, рубашка светлая, без галстука. Волосы тёмные, короткие. Он смотрел на шкаф, не двигаясь. Кристина остановилась в дверях. Не знала, что делать. Кашлянула.

Мужчина обернулся. Медленно. Посмотрел на неё. Не улыбнулся. Глаза тёмные, внимательные. Шрам над правой бровью, тонкий, белый, старый. Кольцо на безымянном пальце,

левой руки. Золотое, простое. Пиджак дорогой, она такие видела только в витринах. Руки в карманах. Стоял и смотрел.

Вы кто? спросил он. Голос низкий, ровный.

Кристина. Я на собеседование. Реставратор.

Андрей? Он внизу.

Мне сказали подняться.

Кто сказал?

Девушка на ресепшене.

Он замолчал. Посмотрел на неё ещё несколько секунд. Потом вынул руку из кармана, провёл по шкафу, по резьбе.

Этот шкаф надо восстановить, сказал он. Сможете?

Кристина подошла ближе. Посмотрела. Шкаф был старый, восемнадцатый век, может, раньше. Резьба пострадала, где-то сколы, где-то трещины. Лак сошёл пятнами. Дверца перекошена.

Смогу, сказала она. Нужно время.

Сколько?

Месяц. Может, полтора.

Он кивнул. Посмотрел на неё внимательнее. На руки. Она машинально спрятала их за спину, потому что под ногтями был лак, старый, въевшийся, который она не смогла отмыть. Он это заметил. Уголок рта дёрнулся. Не улыбка. Что-то другое.

Завтра приходите, сказал он. В девять. Не опаздывайте.

Он пошёл к лестнице. Прошёл мимо неё. Запах одеколона, дорогого, с чем-то древесным. Она стояла, не двигаясь. Услышала, как он спускается. Потом тишина. Она выдохнула. Посмотрела на шкаф. Потрогала резьбу. Пальцы знали, что делать. Голова пока нет.

Внизу её нашёл Андрей. Мужчина лет сорока, в очках, с блокнотом. Извинился, что заставил ждать. Провёл по галерее, показал другие работы. Спросил про опыт. Она рассказала. Про мастерскую в Перми, про мебель, которую восстанавливала, про то, как любит работать с деревом, потому что оно живое. Андрей кивал, что-то записывал. Потом сказал: Ну, вы приняты. Испытательный срок месяц. Зарплата вот такая. Устроит?

Кристина кивнула. Она не помнила цифру. Не важно. Главное, что работа.

Андрей проводил её до двери. Она вышла на улицу. Солнце, редкое для Москвы, светило прямо в глаза. Она зажмурилась. Постояла. Потом пошла к метро. Дома Галина Петровна смотрела сериал, Мурка спала на подоконнике. Кристина закрылась в комнате. Легла. Телефон пикнул. Она взяла. Сообщение с неизвестного номера.

«Приезжайте завтра. В девять. Не опаздывайте».

Она села. Перечитала. Номер незнакомый. Она не давала свой номер никому, кроме Андрея. И Галины Петровны. Может, Андрей? Но зачем? Он сказал, приходите в девять, она и так придёт. Она смотрела на экран. Пальцы замерли над клавиатурой. Что ответить? Кто это? Или не отвечать? Она не знала. Отложила телефон. Встала. Прошлась по комнате. Мурка открыла один глаз, посмотрела на неё, закрыла. Телевизор бормотал. Кристина остановилась у окна. За окном был двор, машины, дети на площадке. Обычная жизнь. Она снова взяла телефон. Перечитала. Три слова. Приезжайте. Завтра. Не опаздывайте. Как будто он был уверен, что она приедет. Как будто не сомневался.

Она не ответила. Положила телефон на стол. Села на диван. Пружины скрипнули. Она смотрела на телефон, и он смотрел на неё чёрным экраном. Она думала о мужчине в галерее. О шраме. О кольце. О том, как он сказал «не опаздывайте». Так же, как в сообщении. Она не знала, кто он. Но почему-то поняла, что это он. И ещё поняла, что завтра поедет. Не потому что должна. Потому что интересно. Впервые за долгое время что-то было интересно. Она легла.

Телевизор бормотал. Мурка спала. Кристина закрыла глаза. И перед сном подумала: а ведь я даже не знаю, как его зовут.

Утром она встала раньше будильника. Умылась. Собрала волосы. Надела ту же рубашку. Вышла. Метро, переход, улица. Галерея. Дверь открыта. Она вошла. Внутри никого. Только запах лака и кофе. Она поднялась на второй этаж. В мастерской стоял шкаф. И ещё кое-что. На верстаке лежал конверт. Без подписи. Она открыла. Внутри ключ. Обычный, металлический, с биркой. На бирке адрес. Она стояла и держала ключ в руке. Пальцы были холодные. Она не знала, что это значит. Но почему-то не удивилась. Как будто ждала чего-то подобного. Она положила ключ в карман. Подошла к шкафу. Потрогала резьбу. И начала работать.

Лак

Утро началось с запаха лака. Кристина проснулась от него, хотя окно было закрыто и в комнате пахло только пылью и кошкой. Она полежала минуту, глядя в потолок, потом поняла: запах не в комнате, запах в ней самой. Вчера она провела в мастерской четыре часа, трогала банки, открывала крышки, размешивала кистью старый состав, и он впитался в кожу, в волосы, в подушечки пальцев. Она поднесла руку к лицу. Пахло скипидаром, воском, чем-то древесным и горьким. Мать говорила: «От тебя всегда пахнет работой. Это хорошо. Человека должно быть слышно».

Кристина встала. Телевизор в большой комнате уже бормотал. Галина Петровна, судя по звукам, пила чай на кухне. Мурка сидела на табуретке у двери и смотрела на Кристину с выражением, которое можно было прочесть как «ну и что ты тут делаешь». Кристина прошла в ванную, умылась, посмотрела на себя в зеркало дольше, чем вчера. Ничего не изменилось. То же серое лицо, те же круги под глазами. Она собрала волосы, надела рубашку, которую вчера стирала в тазике и сушила на батарее, и вышла.

На кухне Галина Петровна листала газету.

Сахар кончился, сказала она, не поднимая глаз. Купи по дороге. И Мурке корм. Она у меня привередливая.

Хорошо.

Ты вчера поздно пришла.

Работала.

Ну, работай. Только ключи не теряй. У меня один комплект.

Кристина кивнула и вышла. На улице было холоднее, чем вчера. Ветер гнал по асфальту пыль и обёртки. Она дошла до метро, спустилась, села в вагон. Люди вокруг смотрели в телефоны, читали, спали стоя. Кристина смотрела на своё отражение в тёмном стекле. В кармане джинсов лежал ключ из конверта. Она трогала его всю дорогу, не вынимая. Тёплый металл, гладкие зубцы, бирка с адресом, который она не проверяла. Она не поехала вчера. Не поехала утром. Не поедет, наверное, и сегодня. Ей было страшно, и она не понимала, чего именно. Не темноты, не человека. Себя.

Галерея встретила её тишиной. Внизу никого. Кристина прошла мимо стойки, поднялась по лестнице, вошла в мастерскую. Шкаф стоял там же, тёмный, огромный, как зверь, который притворяется мебелью. Она обошла его кругом, провела ладонью по резьбе. Резьба была тонкая, ручная, где-то сколотая. Кто-то когда-то вырезал эти листья и завитки, сидел над ними неделями, дышал на них, стирал пыль. Кристина любила такие вещи. В них оставалась чужая жизнь. Она достала из чемодана свои инструменты: стамески, шпатели, кисти, набор шкурок, баночки. Разложила на верстаке. Надела фартук, который принесла с собой, старый, в пятнах, с карманом на животе. И начала.

Сначала она сняла дверцу. Тяжёлая, пришлось повозиться. Петли скрипели, дерево рассохлось, но она справилась. Положила дверцу на верстак, осмотрела трещины. Одна шла по центру, глубокая, почти насквозь. Кристина взяла шпатель, начала чистить. Работа шла медленно, как всегда. Руки знали, что делать, голова была свободна, и это было самое лучшее, что могло с ней случиться. Когда руки заняты, думать не надо. Только смотреть, чувствовать дерево, слушать, как оно отзывается.

Внизу хлопнула дверь. Кристина не обернулась. Шаги по лестнице. Кто-то вошёл в мастерскую. Она продолжала чистить, не поднимая головы.

Работаете, сказал голос.

Она узнала его сразу. Тот же низкий, ровный, без выражения. Кристина выпрямилась, обернулась. Он стоял в дверях, руки в карманах, пиджак тот же, рубашка другая, серая. Шрам

над бровью был хорошо виден при дневном свете, тонкая белая линия, будто кто-то провёл ножом и передумал. Кольцо на пальце. Он смотрел на неё, как вчера, без улыбки, без интереса, но и без равнодушия. Как будто проверял.

Работаю, сказала она.

Он прошёл в мастерскую. Не спеша, оглядываясь. Посмотрел на её инструменты, на разложенные шпатели, на банки. Взял одну, понюхал, поставил обратно. Кристина следила за ним боковым зрением, продолжая держать шпатель. Он подошёл к шкафу, встал рядом, провёл пальцем по резьбе, там, где был скол. Потом вынул из кармана сигарету. Прикурил. Затянулся. Дым пошёл вверх, к высокому потолку, к окнам.

Здесь нельзя курить, сказала Кристина.

Он посмотрел на неё.

Знаю, сказал он.

И не убрал сигарету. Стоял, курил, смотрел на шкаф. Кристина вернулась к работе. Руки делали, голова считала. Она чувствовала его спиной, всей кожей, как он стоит позади, в двух шагах, не больше. Дым доходил до неё, смешивался с запахом лака. Она ждала, что он уйдёт. Он не уходил.

Это ваша работа? спросила она. Шкаф.

Нет.

А чья?

Он затянулся, держал дым в себе, потом выпустил.

Одна женщина продала. Я купил.

Зачем?

Он посмотрел на неё. Долго. Кристина не отвела взгляда, хотя хотелось.

Хорошая вещь, сказал он. Жалко, если пропадёт.

Он бросил окурок в банку из-под лака, стоявшую на полу. Промаяхнулся, окурок упал рядом. Он не поднял. Кристина тоже не стала поднимать. Он снова уставился на шкаф, потом на неё.

Вы откуда? сказал он.

Из Перми.

Давно в Москве?

Третий день.

Он кивнул. Помолчал. Кристина снова взялась за шпатель. Ей хотелось, чтобы он ушёл, и одновременно она боялась, что он уйдёт. Это было неприятное чувство, как будто внутри неё кто-то включил свет, а выключателя нет.

Мать ваша умерла, сказал он.

Кристина замерла. Шпатель в руке. Она не говорила ему. Никому не говорила. Даже Андрею, даже Галине Петровне. Она обернулась. Он стоял и смотрел на неё. Спокойно.

Откуда вы знаете? сказала она. Голос получился резким, громче, чем она хотела.

Он пожал плечами. Одним плечом. Коротко.

Знаю, сказал он.

Кто вы такой?

Он не ответил. Посмотрел на неё ещё секунду, потом повернулся и пошёл к лестнице. Шаги медленные, неспешные. Она слышала, как он спускается. Потом хлопнула дверь вниз. Тишина. Кристина стояла со шпателем в руке и смотрела на лестницу. Рука дрожала, и она этого не заметила, пока не поставила шпатель на верстак. Внутри всё сжалось и не отпускало. Она села на табурет, который стоял у верстака. Сидела долго, не двигаясь. Потом встала, подошла к банке из-под лака, подняла окурок с пола. Выбросила в мусорное ведро. Вернулась к шкафу.

И только потом поняла: он улыбнулся. Не тогда, когда она спросила про мать. Раньше, на секунду, когда она сказала «здесь нельзя курить». Уголок рта дёрнулся. Совсем чуть чуть. Она не была уверена, что видела это, но она это видела. Первая улыбка. Если это можно было назвать улыбкой.

До обеда она работала. Сняла наличник, очистила трещину, наложила первую порцию состава. Руки устали, спина затекла. Она не пошла есть, потому что не хотела никого видеть. Андрей заглянул один раз, спросил, как дела, сказал, что хозяин галереи не любит, когда шкаф трогают без него, и ушёл. Кристина не поняла, что он имел в виду. Потом поняла. Хозяин галереи. Тот, кто был здесь. Тот, кто курил. Тот, кто знал про её мать.

После обеда она спустилась в подвал за лаком. Подвал был низкий, сырой, с низкими потолками и трубами под потолком. Там стояли старые рамы, сломанные стулья, рулоны ткани. Лак стоял на полке, в жестянках. Кристина взяла одну, потом ещё одну, поменьше, для верхнего слоя. Поднимаясь обратно, на лестнице, она услышала голоса. Внизу, в галерее. Мужские. Один был Андрей. Второй она узнала. Тот же низкий, ровный.

Вы уверены? говорил Андрей. Она новенькая. Может, не стоит.

Стоит, сказал второй голос.

Но она же ничего не знает.

И не должна.

Пауза.

Даниэль Маркович, вы...

Всё. Я сказал.

Кристина стояла на лестнице, прижавшись к стене, с банками в руках. Сердце билось где-то в горле. Даниэль Маркович. Вот как его зовут. Она запомнила. Не специально, просто запомнила, как запоминают чужой номер или чужое имя, которое ещё пригодится.

Она подождала, пока внизу стихнет, потом поднялась в мастерскую. Поставила банки, вернулась к шкафу. Работала до шести. Потом убрала инструменты, вытерла верстак, сняла фартук. Собралась уходить. И тут увидела. На верстаке, у самого края, лежали ключи. Связка. Три ключа на кольце. Один длинный, от подъезда. Второй поменьше, от квартиры. Третий совсем маленький, от почтового ящика. Рядом записка. Клочок бумаги, вырванный из блокнота, неровный край. Почерк резкий, наклонный.

«Живи здесь. Твоя комната с тараканами меня раздражает».

Кристина взяла записку. Прочитала дважды. Потом ещё раз. Потом взяла ключи. Тяжёлые, холодные. Кольцо было из тёмного металла, с потёртостями. Она посмотрела на шкаф. На лестницу. На окно. Никого. Только шкаф и запах лака.

Она положила ключи в карман. Рядом с тем ключом из конверта. Два комплекта. Один с биркой, от неизвестного адреса. Второй только что, с запиской. Она вынула ключ из конверта, посмотрела на бирку. Адрес был тот же, что на записке, она поняла это по названию улицы. Только номер дома и квартиры она раньше не сопоставила. Теперь сопоставила. Значит, это одно и то же. Значит, он оставил ей ключ ещё утром, до того, как увидел её комнату. Значит, он знал про комнату заранее. Значит, знал всё заранее.

Кристина стояла в мастерской и держала в руках два ключа, одинаковых по сути. И понимала, что не должна брать. Не должна даже смотреть в сторону этой квартиры. Она снимает комнату у женщины, которая не выключает телевизор, и это нормально, это честно, это её жизнь. А всё остальное, чужая квартира, чужой ключ, чужой человек, который знает про её мать и про тараканов, это не её жизнь. Это что-то другое. И если она возьмёт, пути назад не будет. Она это чувствовала отчётливо, как чувствуют холод руками.

Она взяла. Положила ключи в карман. Записку тоже. Вышла из мастерской, спустилась по лестнице. Внизу Андрей за стойкой, с чашкой кофе.

Уходите? спросил он.

Да.

Завтра в девять?

Да.

Он кивнул. Кристина вышла на улицу. Вечер, темно, мокрый асфальт, фонари. Она пошла к метро, потом остановилась. Постояла. Посмотрела на телефон. Три сообщения от Галины Петровны: «Ты где», «Корм купила», «Мурка ждёт». Она не ответила. Убрала телефон. Пошла в другую сторону. Не к метро. К автобусной остановке.

Она ехала долго. Автобус тащился через пробки, потом через мост, потом по улицам, которых она не знала. Она смотрела в окно и держала ключи в кармане, сжимая их так, что металл врезался в ладонь. На нужной остановке она вышла. Улица была тихая, узкая, старые дома, липы, редкие машины. Дом она нашла быстро. Серый, шестиэтажный, с лепниной над окнами. Подъезд с кодовым замком. Кристина набрала код, который был написан на бирке под адресом, мелким почерком. Замок щёлкнул. Она вошла.

Лифт работал. Она поднялась на пятый. Коридор, две двери, одна с ковриком, вторая без. Она вставила ключ. Повернула. Замок открылся легко, без скрипа. Кристина стояла на пороге и не входила. Темнота за дверью была плотная, тёплая, пахло чем-то сухим, деревом, пылью и ещё чем-то, одеколоном, что ли. Она нащарила выключатель, повернула. Свет зажёгся. Она вошла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.